

НЕ(Т) ДОМА: СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДЕПРИВАЦИИ БЕЛАРУССКИХ ЖЕНЩИН-ИММИГРАНТОК В ЛИТВЕ

Наталья Щербина

<https://doi.org/10.61095/815-0047-2026-1-40-66>

NOT AT (A) HOME: SOCIAL AND ECONOMIC DEPRIVATIONS
OF BELARUSIAN WOMEN MIGRANTS IN LITHUANIA

© Natallia Shcherbina

Research Fellow, EHU

Senior researcher, Institute of Sociology at the Lithuanian Centre
for Social Sciences

E-mail: natallia.shcherbina@lcss.lt

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-2984-322X>

Abstract: The intensity and structure of the migration flow from Belarus to Lithuania after 2020 indicate that the emigration of Belarusians is already long-term and potentially irreversible. Despite the fact that the main migration flow from Belarus to Lithuania after 2020 was formed by men, the increase in the number of female immigrants (measured as the number of valid resident permits issued for women) during this period was also significant: it increased from 3,064 in 2019 to 9,725 in 2024 (end of period). Women's emigration experience differs significantly from men's, and the adaptation and integration strategies of emigrants become more diverse if women are involved in emigration. As the study showed, the deprivations faced by immigrant women are caused by both the fact of emigration itself and the difficulties in adapting to life in new conditions, as well as limitations in access to social (informational and emotional support, the system of social connections and interactions, health, access to social services and the social protection system, etc.) and economic (work, especially in a specialty, material support, availability of financial services, the presence and possibility of using previously made savings, etc.). Building individual strategies for adapting to life in a new country allows women to restore (in full or in part) access to social and economic resources and reduce the risks of deprivation.

The research goal is to study the situation of women migrants from Belarus in Lithuania, to identify vulnerabilities that lead to social and economic deprivation of women in emigration.

The research methodology was based on qualitative methods, namely, conducting in-depth semi-structured interviews with representatives of the target group (Belarusian women who moved to Lithuania after 2020). The qualitative analysis was supplemented by a quantitative assessment of the scale of emigration of Belarusian women to Lithuania after 2020, as well as an analysis of the profile of female migration based on official migration data published by Eurostat.

Keywords: migration, adaptation, integration, social and economic deprivations.

Введение

Нынешняя миграция из Беларуси в Литву принципиально отличается от предыдущей истории переселения. До 2020 г. ее обуславливал традиционный набор выталкивающих и притягивающих факторов, затрагивавший относительно небольшое (в пределах нескольких сотен человек в год) количество людей. После 2020 г. миграция приобрела массовый характер (возросла на несколько порядков), а ее основными мотивами стали политические факторы и гуманитарные причины – поиск безопасности в условиях массовых политических репрессий, охвативших Беларусь. После начала российского военного вторжения в Украину к этому блоку выталкивающих факторов добавились квазиэкономические: целый ряд компаний релоцировал бизнес и сотрудников из Беларуси, что повлекло эмиграцию из Беларуси в Литву высококвалифицированных работников и их семей.

Интенсивность и структура миграционного потока после 2020 г. указывает на то, что эмиграция белорусов в Литву уже носит долгосрочный характер и потенциально является невозвратной. Женский опыт эмиграции существенно отличается от мужского, а стратегии адаптации и интеграции эмигрантов становятся более разнообразными, если в эмиграции участвуют женщины, дети или целые семьи.

Женщины в эмиграции чаще сталкиваются с социальными и экономическими депривациями, которые могут быть обусловлены как внешним воздействием (сам факт эмиграции), так и индивидуальными практиками выстраивания жизни в эмиграции (воспроизводство «новой рутины»).

Цель исследования: изучение положения женщин-мигранток из Беларуси в Литве, выявление уязвимостей, которые приводят к социальной и экономической депривации женщин в эмиграции.

Объект исследования: женщины, которые переехали в Литву из Беларуси после 2020 г., легализованы там или находятся в процессе легализации.

Исследование опирается на:

- (1) теорию *habitus* в интерпретации, применяемой к исследованию стратегий адаптации мигрантов в новой стране;
- (2) теорию социальных деприваций для анализа системных, структурных и индивидуальных факторов деприваций женщин в эмиграции;
- (3) интерсекциональный подход, который позволяет опираться на личный опыт участниц исследования и рассматривать социальные и экономические депривации как результат пересечения различных идентичностей женщин-мигранток, создающие специфические условия для уязвимости в эмиграции.

Работа имеет следующую структуру:

В разделе «Исследования миграции: обзор теорий и подходов» рассматриваются исследования белорусской эмиграции последней волны, систематизируются подходы к оценке и анализу эмиграции из Беларуси после 2020 г. Анализируется вклад феминистских подходов в исследование миграции.

В разделе «Методология исследования: подходы к сбору и анализу данных» представлена методология качественных исследований,

В разделе «*Case study*: Белорусские женщины-иммигрантки в Литве» на основании данных полуструктурированных интервью анализируется опыт эмиграции белорусских женщин, переехавших в Литву после 2020 г.

В заключении на основании результатов исследования представлены ключевые выводы и рекомендации для совершенствования миграционной политики и формирования целевых мер, направленных на сокращение уязвимости женщин-иммигранток, обеспечение их равного доступа к ресурсам и возможностям.

Теоретические рамки

В миграционных исследованиях понятие *habitus* используется как интерпретативная рамка для анализа адаптационных стратегий, трансформации идентичностей и повседневных практик

мигрантов. Миграция запускает процесс переосмысления ранее усвоенных социальных норм и активирует механизмы модификации повседневных диспозиций, через которые мигранты адаптируются к новым социальным, культурным и экономическим условиям (Radogna 2022). Этот процесс может включать как постепенное изменение привычных моделей поведения, так и формирование новых практик взаимодействия с социальной средой (Nowicka 2015). В исследовании Carlson и Schneickert (2021) выделены три возможные модели изменений *habitus* в контексте транснациональной миграции: (1) полная трансформация *habitus*, (2) его разделение на два не совпадающих набора повседневных практик и (3) постепенная модификация, приводящая к адаптивному изменению социальных практик. Применительно к анализу социальных и экономических деприваций женщин в эмиграции в исследовании операционализируется третья модель трансформации *habitus* – постоянная модификация. Данный теоретический подход позволяет рассмотреть, каким образом трансформируется *habitus* женщин в эмиграции через налаживание повседневной жизни в новой стране (выстраивание «новых рутин»), адаптацию к новым социальным и экономическим условиям. Рассмотрение адаптивной трансформации *habitus* в процессе миграции позволяет глубже понять, какие компенсаторные механизмы используются женщинами для снижения рисков уязвимости к социальным и экономическим депривациям.

Дополнением к использованию теории *habitus* применительно к анализу транснациональной миграции является интеграция интерсекционального подхода, который позволяет учитывать множественные и пересекающиеся идентичности женщин-мигранток и их влияние на риски социальных и экономических деприваций. В частности, Francesca Giudici (2022) предлагает объединение теории Бурдьё и интерсекционального анализа для интерпретации мобильности как формы социального изменения. В её исследовании показано, что трансформация *habitus* происходит не изолированно, а в тесной связи с социальным положением, культурным капиталом и структурными ограничениями, которые по-разному влияют на женщин в зависимости от их исходных ресурсов и контекста миграции. Такой подход позволяет не только выявить механизмы адаптации, но и осмыслить, как социальные неравенства воспроизводятся или преодолеваются в процессе миграции. Интерсекциональный анализ, в том числе в работе Amelina и Lutz (2019), демонстрирует, что институциональные и системные механизмы, такие как миграционная политика, трудовое законодательство, доступ к социальным услугам, создают специфические

условия уязвимости для разных категорий женщин-иммигранток и риски социальных и экономических деприваций. Применительно к целям исследования использование интерсекционального подхода позволяет более полно понять сложные и взаимосвязанные факторы, влияющие на социальные и экономические депривации женщин-иммигранток.

Депривации в миграционных исследованиях рассматриваются как потеря либо лишение доступа к социальным и экономическим ресурсам и благам в связи с переездом в другую страну (Ratha, Mohapatra, Scheja 2010). Например, в результате эмиграции люди могут быть лишены адекватного образования, здравоохранения, качественного жилья, достойной работы, достаточного дохода, хорошего здоровья, возможностей для удовлетворения своих потребностей (Norman, Boyle, Rees 2005).

В исследовании деприваций пожилых людей в странах Евросоюза (Musk, Najsztab, Oczkowska 2015) выделены следующие типы деприваций: (1) материальная депривация, которая охватывает «дефицит основных материальных ресурсов и неравный доступ к правам социального гражданства в форме государственных услуг»; (2) социальная депривация, которая включает «социальную изоляцию и отсутствие социальной поддержки, ограниченное соблюдение основных социальных норм и ценностей, снижение вовлеченности в местное сообщество или общество». В данном исследовании под термином «депривация» понимается дефицит социальных и экономических ресурсов, ограничения в удовлетворении социальных и материальных потребностей.

Экономическая и социальная депривации женщин-иммигранток обусловлены множеством факторов, включая неравный доступ к рынку труда, гендерные различия в уровне доходов, ограниченные социальные гарантии в новой стране, а также специфику распределения домашнего и репродуктивного труда.

Постановка проблемы и актуальность исследования

По данным Департамента миграции, на 1 июля 2025 г. действующие виды на жительство (далее – ВНЖ) в Литве были у 52,3 тысяч граждан Беларуси¹, при этом основной прирост иммигрантов из Беларуси, впервые получающих разрешение на проживание в Литве, отмечался в 2022–2023 гг. Согласно данным Eurostat, чис-

1 См. Imigrantai Lietuvoje / 2025 m. liepos 1 d. duomenys.

ленность белорусов, имеющих разрешение на проживание в Литве², увеличилась с 18 665 в 2019 г. до 63 255 в 2023 г. (а за 2024 г. сократилось до 58 632)³. Несмотря на то, что основной поток миграции (измеряемой через число действующих ВНЖ) из Беларуси в Литву формировался за счет мужчин, увеличение численности женщин-иммигранток в этот период также было значимым: она увеличилась с 3 064 в 2019 г. до 9 913 в 2023 г. с небольшим сокращением до 9 725 в 2024 г.

Первичный анализ количественных и качественных данных позволяет сформулировать гипотезу о влиянии внешних (правовые, социальные, экономические условия адаптации и интеграции мигрантов в принимающей стране) и индивидуальных (возраст, образование, профессиональный опыт, семейный статус) факторов на риски социальной и экономической депривации женщин, эмигрировавших из Беларуси в Литву после 2020 г.

Правовые условия легализации мигрантов влияют на возможности для занятости и трудовую мобильность. Например, разрешения на проживание в Литве, выданные на основании трудоустройства, предполагают занятость не более чем у двух работодателей. Смена места работы или дополнительная занятость требуют согласования с миграционной службой, что влияет на трудовую мобильность и возможности получения доходов.

Изменения в миграционном законодательстве страны-реципиента влияют на жизненные стратегии людей в эмиграции и нарушают процессы устойчивой адаптации и интеграции в принимающее сообщество. Кроме того, ужесточение миграционного законодательства может влиять на доступ женщин к легальной занятости, увеличивая риск экономической нестабильности и зависимости. Нестабильность правового положения иммигрантов подталкивает последних к «серийной» эмиграции (из страны в страну), что для женщин, переехавших вместе с детьми и другими зависимыми членами семьи, связано с увеличением бремени ответственности за адаптацию и интеграцию детей, их материальное и эмоциональное благополучие.

- 2 Учет выданных разрешений на проживание в Литве включает в том числе и рабочие ВНЖ, выданные работникам, фактически не проживающим на территории Литвы. Так, на начало 2024 г. 33 000–36 000 белорусов работали в транспортно-логистических компаниях, в основном в качестве водителей-международников, что по сути является вахтовой миграцией. Если отнять вахтовых мигрантов от общего количества разрешений, выданных на проживание в Литве, женщины составят почти треть белорусских иммигрантов в Литве.
- 3 Данные на 31 декабря каждого года.

Социальные и экономические условия в принимающей стране влияют на доступ мигрантов к социальным (образование, здравоохранение, социальная поддержка и т. д.) и экономическим (получение доходов от занятости и ведения бизнеса) ресурсам.

Индивидуальные факторы (возраст, образование и профессиональный опыт, опыт политического участия, семейный статус, наличие детей) могут как снижать риски социальных и экономических деприваций, так и увеличивать их. Например, молодые женщины чаще испытывают трудности с социализацией в принимающем обществе, поскольку опыт эмиграции накладывает на процесс сепарации от родителей и начало самостоятельной жизни. Отсутствие поддерживающей среды (родители, ближайшее окружение) усложняет процесс социализации в новой стране. Кроме того, в эмиграции молодые женщины часто испытывают сложности с профессиональной ориентацией, поиском работы, профессиональной социализацией, что в целом характерно для молодых людей, которые только начинают карьеру.

Профессиональный опыт имеет ключевое значение в процессе адаптации и интеграции в новой стране. Как показали данные опроса, посвященного исследованию адаптационных стратегий белорусских и украинских мигрантов в Литве и Польше (Львовский, Морозов 2024), женщины чаще, чем мужчины, испытывают сложности с продолжением карьеры в новой стране и чаще мужчин вынуждены осваивать новые профессии, которые не соответствуют полученному образованию и достигнутому уровню квалификации в своей стране⁴. Потери в человеческом капитале женщин в эмиграции более существенны, чем у мужчин, что приводит к ухудшению качества жизни женщин, экономической зависимости, воспроизводству патриархального уклада в иммигрантских семьях.

4 В исследовании адаптационных стратегий белорусов и украинцев в эмиграции (Львовский, Морозов 2024) отмечается, что женщины в иммиграции реже, чем мужчины, возвращаются к той же карьере и работают в той же должности, что и до переезда. Согласно данным опроса, в той же карьере и той же должности продолжили свои профессиональные траектории в эмиграции 55% мужчин и 31% женщин. Более распространенной карьерной стратегией в эмиграции для женщин является полная смена сферы деятельности и начало новой карьеры: 43% женщин отметили, что начали новую карьеру в эмиграции. В нашем исследовании некоторые респондентки интервью отмечали сложности в продолжении карьеры в Литве, если эмиграция изначально не была связана с релокацией, поскольку образование, навыки, опыт работы, полученные в родной стране, оказались невостребованными в Литве, см. раздел «Жизнь в эмиграции: доступ к экономическим и социальным ресурсам».

Семейный статус женщин также имеет значение при выстраивании «новых рутин» в принимающей стране. Мобильность и миграция женщин редко являются простым вопросом перемещения через государственные границы «отдельно взятого» индивида. В случае семейной миграции женщины, как правило, играют ключевую роль в формировании и поддержании социальных связей и выстраивании социальных взаимодействий с внешней средой, способствуя тем самым интеграции всех членов семьи в новый социокультурный контекст.

Уязвимости женщин, которые переехали вместе с детьми, зачастую связаны с потерей социальной среды и поддерживающих коммуникаций. Речь идёт о таких проблемах как отсутствие помощи со стороны близких родственников в воспитании детей, потеря социальных связей, которые в родной стране формировали социальный капитал женщин.

Исследование женского опыта эмиграции может способствовать более глубокому пониманию адаптационных стратегий эмигрантов в целом, проблем, барьеров и ограничений, с которыми сталкиваются женщины в эмиграции, повышению осведомлённости о положении женщин-иммигранток, а также стимулировать общественные дискуссии о разнообразии миграционного опыта, проблемах адаптации и интеграции иммигрантов из Беларуси в Литве. Результаты исследования могут быть использованы при разработке мер, направленных на сокращение уязвимости женщин-иммигранток, обеспечение их равного доступа к ресурсам и возможностям, а также для повышения эффективности программ адаптации в принимающем обществе. Результаты исследования помогут стейкхолдерам, занимающимся поддержкой женщин и адвокатированием их прав, представлением интересов диаспоры и поддержкой белорусов в эмиграции (НГО, общественным группам и инициативам), лучше понимать реальные потребности своих целевых групп и продвигать инициативы, способные улучшить положение женщин в эмиграции.

Миграционные исследования: обзор теорий и подходов

До недавнего времени в миграционных исследованиях опыт эмиграции «унифицировался», а традиционные представления о мигрантах зачастую игнорировали женщин либо присваивали им пассивную роль в миграционных перемещениях (Morokvasic 2015). Феминистский подход к анализу миграции значительно расширил

понимание ее факторов за счет признания женщин активными участницами (субъектами) процессов миграции и того факта, что миграция не только влияет на экономическое положение мигрантов, но и трансформирует гендерные роли, а также может влиять на гендерный порядок в принимающих сообществах (Morokvasic 2015). Гендерная оптика позволяет учитывать различия в опыте миграции между мужчинами и женщинами, выявляя уникальные вызовы и преимущества для разных групп, что способствует разработке эффективных и инклюзивных миграционных политик, учитывающих интересы различных групп мигрантов.

Анализ феминистского подхода к исследованию миграционных процессов позволяет сформулировать несколько направлений (или этапов в развитии феминистского подхода), в рамках которых к анализу миграции применяется гендерная оптика. Часть исследований, посвященных гендерным аспектам миграции (особенно в контексте трудовой миграции), фокусируется на трансформации ролевых моделей и гендерного уклада (Hondagneu-Sotelo 2000), которая происходит с иммигрантами в принимающих странах. Речь идет об улучшении положения женщин в результате вхождения в сферу оплачиваемой занятости, получения доступа к образованию, улучшении их материального положения и т. д. В этом случае миграция действительно может способствовать расширению прав и возможностей женщин за счет усиления их «переговорной позиции» в семье и в обществе.

В рамках феминистского подхода к анализу гражданства и участия подчеркивается, что расширение прав и возможностей женщин в результате миграции происходит параллельно с процессами ограничения юридических прав и гражданского участия, что требует переосмысления концепции гражданства в условиях транснационального мира (Benhabib, Resnik 2009). Бенхабиб и Резник подчеркивают, что расширение экономического участия женщин-эмигранток в принимающих странах происходит в ситуации «частичного гражданства», когда права и возможности женщин зависят от миграционного законодательства принимающей страны, а многие правовые системы по-прежнему рассматривают женщин-мигранток в рамках семейной зависимости, ограничивая их доступ к независимому гражданскому статусу и политическому участию.

В рамках феминистской критики миграционных исследований с точки зрения гражданства и участия наиболее значимым представляется *«включить требования гендерного равенства в обсуждение четырех других основных принципов, на которые регулярно ссылаются в этой области: свободное передвижение людей;*

необходимость защиты беженцев; юрисдикционная власть суверенных государств над своими границами; и обязательство уважать семейные узы, в том числе путем воссоединения семей» (Benhabib, Resnik 2009).

В целом же феминистская оптика, применяемая к исследованиям миграции, сыграла важную роль в расширении методологии и в установлении ценности историй мигранток о себе и личном опыте эмиграции (Ahmed 2009; Lawson 2000).

Анализ белорусской эмиграции последней волны основывается представлен в ряде актуальных исследований, которые охватывают следующие направления:

- (1) оценка масштабов эмиграции после 2020 г. (Лузгина, Корейво 2023; Kazakevich 2023; Homel et al. 2023; Forti 2023);
- (2) анализ факторов и причин эмиграции (Dambrauskaitė 2022; Kazakevich 2023; Chulitskaya et al. 2022);
- (3) анализ социально-демографических характеристик иммигрантов из Беларуси (Homel et al. 2023; Kazakevich 2023);
- (4) анализ процессов адаптации и интеграции эмигрантов из Беларуси в странах-реципиентах (Dambrauskaitė 2022; Skuciene, Poškus, Kazakevičiūtė 2023; Homel et al. 2023; Львовский, Морозов 2024);
- (5) анализ проблем, с которыми сталкиваются белорусы в эмиграции (Kazakou 2024; Львовский, Морозов 2024);
- (6) анализ положения белорусских диаспор в странах-реципиентах (Alampiyev, Bikanau 2022; Naumau et al. 2023; Коршунов 2024).

Во всех этих исследованиях эмигранты из Беларуси анализировались как группа, которая различается по социально-демографическим характеристикам, причинам и факторам миграции, но имеющая общий опыт эмиграции и общие паттерны адаптации и интеграции в принимающих стране. Понимание гендерных различий в опыте миграции (не просто разделения мигрантов на мужчин и женщин) и осмысление того, как идентичность, социальные роли и ожидания, связанные с гендером, влияют на процессы адаптации и интеграции в новой стране, способны существенно дополнить анализ современной миграции из Беларуси.

Методология исследования: подходы к сбору и анализу данных

В основу методологии данного исследования были положены качественные методы, а именно проведение глубинных полуструктурированных интервью с представительницами целевой группы (беларусками, переехавшими в Литву после 2020 г.).

Метод полуструктурированного интервью был выбран в качестве основного, поскольку он дает возможность получения детализированных нарративов, отражающих индивидуальный опыт миграции, вариативность адаптационных стратегий, разнообразие связанных с эмиграцией барьеров и уязвимостей, которые приводят к социальным и экономическим депривациям беларусских женщин в эмиграции. Собранные качественные данные сформировали эмпирическую основу для исследования структурных и индивидуальных факторов, влияющих на адаптационные стратегии, барьеры в адаптации и уязвимости беларусских женщин в эмиграции.

Для проведения интервью был разработан примерный сценарий (гайд), который включал 10 блоков вопросов, отражающих индивидуальные миграционные траектории участниц исследования. Последующий анализ интервью с использованием интерсекционального подхода, комбинирования тематического и рефлексивного анализа позволил реконструировать индивидуальные миграционные траектории беларусских женщин в Литве и определить ключевые детерминанты и механизмы формирования социальных и экономических деприваций женщин.

При формировании выборки участниц интервью учитывалась оцененная структура иммигранток по возрастным группам и основаниям легализации, основанная на актуальных данных Eurostat. Метод подбора респонденток – целевой отбор, позволяющий учесть (но не воспроизвести) структуру генеральной совокупности по таким критериям как возраст, профессиональный статус, правовой статус, семейное положение. На финальном этапе полевого исследования метод целевого отбора был дополнен открытым обращением к целевой аудитории для добора участниц, легализованных в Литве как высококвалифицированные специалистки (Blue Card). Всего в рамках проекта было проведено 17 интервью с женщинами, переехавшими в Литву после 2020 г.

Case study: Беларусские женщины-иммигрантки в Литве

Миграция не является просто изменением географического положения — она представляет собой сложный социокультурный процесс, в котором параллельно с изменением внешней среды меняется образ жизни, самоощущение и самоидентификация человека.

Жизнь в эмиграции: трансформация повседневных практик и выстраивание «новых рутин»

Трансформация повседневных практик начинается с этапа первичной адаптации, на котором происходит выстраивание повседневной жизни в новых условиях. Несмотря на географическую, культурную и ментальную близость литовцев и беларусов, сложности на уровне повседневных практик испытывают многие иммигрантки из Беларуси. Некоторые участницы интервью говорили об «обнулении» опыта либо его нерелевантности условиям жизни в новой стране:

«Это жизнь с нуля практически, это с чистого нуля... Никакие навыки, которые ты приобретала в своей прошлой жизни — ты «обнуляешься» и начинаешь свой путь сначала. Как бы нам тут не помогли, как бы не старались для тебя что-то сделать, ты все равно начинаешь жизнь с нуля.» (Инна)

«Ты постоянно сталкиваешься с новой реальностью, о которой ты не просил. ... Только ты вроде в чем-то разобрался⁵ — на тебе новенькое...» (Ольга)

«Здесь ты стартуешь с самого начала, ... нужно понимать многие вещи. Здесь просто все по-другому — другая страна, другие законы. ... Там [в Беларуси] ты с этим родился и живешь, ... это понятно на уровне, ну, каком-то, либо у тебя везде есть знакомые, есть друзья — здесь просто нет.» (Инна)

Отсутствие возможности адаптировать накопленный опыт организации повседневной жизни к требованиям принимающей страны увеличивает риск социальных и экономических деприваций среди женщин-иммигранток. В условиях эмиграции привычные алгоритмы взаимодействия с государственными учреждениями и сервисами, такие как запись к врачу, открытие банковского

5 Здесь и далее используются прямые цитаты из интервью, с сохранением рода, в котором участницы говорят о себе.

счета или вызов специалиста по ремонту, требуют новых знаний, времени на поиск информации, консультаций со специалистами, помощи посторонних лиц. Зачастую женщины-иммигрантки полагаются на неформальные сети поддержки, такие как сообщества эмигрантов или помощь знакомых, что облегчает первичную адаптацию, но полностью не снимает проблемы доступа к информации, ресурсам и услугам, которыми женщины без проблем пользовались в родной стране.

Адаптация женщин-иммигранток из Беларуси в Литве включает не только освоение новых условий жизни, но и постепенное восстановление комфортной социальной среды, ключевым элементом которой является ощущение дома. В интервью участниц проекта понятие «дом» приобретает множество смыслов и отражает материальные, социальные, политические аспекты адаптации и «укоренения» в новой стране. Феминистская теория уделяет значимое место понятию «дома», рассматривая дом как социальное, политическое и символическое пространство (Ahmed 1999). Утрата дома в результате эмиграции может означать физический разрыв с привычным пространством частной жизни, разрыв с социальной средой и потерю социального окружения, разрыв связи с географическим местом (дом как территория жизни) и гражданственностью (дом как страна рождения). В историях иммигранток отъезд из своей страны ассоциируется с потерей дома и часто связан с усилением чувства отчуждения и социальной изоляции:

«Все время ощущаешь, что ты в чужой стране. ... Ты здесь никто, ... ты на чужой территории сейчас, как не крути.» (Ольга)

«Ты понимаешь, что ты не гражданин Литвы..., ты можешь только принимать все условия, которые здесь есть, которое дает тебе государство это» (Светлана)

Потеря дома у участниц исследования ассоциироваться как с потерей экономического ресурса, так и символического «места силы»: помимо лишения собственности, с потерей дома женщины утрачивают привычные механизмы социальной защиты, ощущение безопасности и чувство принадлежности к социальному пространству:

«Это место, которое я снимаю, я домом не считаю. ... Это из-за того, что это аренда, из-за того, что у тебя нет уверенности в завтрашнем дне, у тебя нет ощущения принятия в этой стране — нет ощущения, что ты нашел свое место. Ощущения дома вообще нет.» (Оксана)

«Я не ожидала, что у меня и дом, и квартира будут потеряны, ... но это не самые страшные потери в жизни.» (Алена)

Найти новый дом в эмиграции — экономическая и политическая проблема. Некоторые участницы интервью говорят о сложностях с поиском съемного жилья, высокой арендной плате, зависимости от арендаторов:

«Пришлось строить совершенно новую жизнь в новом доме. Было не просто найти квартиру, потому что с ребенком как бы, не все хотят с ребенком. ... У тебя «отягчающее обстоятельство» — ты не взрослый человек один, не двое взрослых в паре, ты — взрослый с ребенком.» (Янина)

Восприятие Литвы как «нового дома» в историях участниц исследования различается, а их отношение к «укоренению» в стране часто определяется внешними факторами: вопросы легализации, изменения законодательства и риски дальнейшего ограничения прав беларусов становятся ключевыми аспектами, формирующими восприятие жизни в Литве. Для некоторых женщин-иммигранток Литва кажется комфортным местом для жизни, однако чувство незащищенности от действий государства вызывает тревогу и неопределенность в отношении будущего.

«Я бы не хотела переезжать из Литвы, мне очень нравится. ... Но со стороны государства я ощущаю свою незащищенность, то есть я не знаю, какое будущее у меня, как у беларуса, может быть здесь, то есть я не понимаю, что мне ждать, не понимаю, какие законы будут еще приняты, будут ли в дальнейшем ущемляться мои права.» (Инна)

Дом как политическое пространство играет ключевую роль в регулировании миграции и становится инструментом политических решений, влияющих на процесс адаптации и интеграции мигрантов в принимающей стране. В публичных дискуссиях о беларусской миграции в Литве периодически поднимается вопрос о том, может ли Литва стать «новым домом» для беларусов, или же их пребывание следует рассматривать исключительно как временный этап.

Право на «дом» в политическом контексте может являться инструментом ограничения притязаний мигрантов на «укоренение» в новой стране. Например, ограничения на приобретение земли под строительство жилья, требования к оформлению ипотеки на

недвижимость, ограничения по банковским операциям, введенные для граждан Беларуси, дискриминационные практики при аренде недвижимости — все это указывает на то, что в контексте взаимоотношений мигрантов с титульным населением «обретение нового дома» является инструментом давления на мигрантов, лишением возможности долгосрочного планирования жизни в новой стране и даже попыткой заставить иммигрантов вернуться домой либо искать свой дом в другой стране.

«Снять квартиру было очень тяжело, потому что ты беларус: «беларусам не сдаем, только литовцам.» Они слышат речь и говорят, что беларусам не хотят сдавать, или тройной депозит.» (Анна)

Для женщин-иммигранток понятие «дом» приобретает значение, связываемое не только с физическим пространством, но и с ощущением стабильности, принадлежности и будущего. Покупка жилья или строительство дома символизируют «укоренение» в принимающей стране, тогда как отсутствие таких планов часто отражает неопределенность, зависимость от внешних обстоятельств и ограниченные возможности. Ограничения доступа к жилью затрудняет процесс адаптации и возможности формирования устойчивых социальных связей внутри местного сообщества, что в конечном итоге снижает успешность интеграции в принимающей стране (Fathi, Ní Laoire 2024).

Как показали истории участниц исследования, отсутствие уверенности в долгосрочных перспективах жизни в Литве заставляет некоторых женщин-иммигранток рассматривать возможность дальнейшего переезда. В таких случаях «смена дома» воспринимается не как свободный выбор, а как вынужденное решение, обусловленное сложностью «укоренения» в принимающем обществе. Для некоторых из них Литва стала промежуточным этапом в эмиграции, а планы семьи изначально были связаны с переездом в третью страну:

«Я не думаю, что Литва станет тем местом, на котором я останюсь. Я думаю, что наша релокация продолжится. ... У всей семьи планы пересечь океан.» (Алена)

Жизнь в эмиграции: доступ к экономическим и социальным ресурсам

Депривации, с которыми сталкиваются женщины в эмиграции, связаны с лишением или ограничением доступа к социальным

и экономическим ресурсам. В качестве социальных ресурсов в исследовании рассматриваются ресурсы поддержки (эмоциональная, социальная, информационная поддержка), социальные связи и взаимодействия. Кроме того, к социальным ресурсам можно относить здоровье — психологическое и физическое самочувствие, возможность заботиться о себе и своих близких и связанные с этим социальные услуги. К экономическим ресурсам относятся участие на рынке труда (профессиональный статус, карьера) и другие виды экономической активности (ведение бизнеса, самозанятость и т. д.), материальные блага (деньги, товары, услуги). Потеря или ограничение доступа к социальным и экономическим ресурсам могут быть обусловлены как самим фактом эмиграции и условиями жизни в принимающей стране, так и индивидуальными жизненными ситуациями женщин-иммигранток. Доступ к ресурсам может быть частично или полностью восстановлен за счет стратегий адаптации к жизни в новой стране.

В интервью участницы исследования называют утрату социальных связей, ограничения в поддержке привычных социальных контактов и взаимодействий наиболее ощутимыми потерями в результате эмиграции. Как отмечается в исследовании социальных сетей поддержки в среде иммигрантов (Heidinge 2024), потеря социальных связей и удаленность от семьи усиливает социальную и экономическую уязвимость женщин-иммигранток. Женщины, оказавшиеся в эмиграции, часто сталкиваются с ограниченным доступом к ресурсам поддержки (эмоциональным, социальным, информационным и др.) со стороны близких родственников и социального окружения, которые невозможно было «взять с собой» в новую страну.

«Остался муж в Минске, работать, жить, охранять, правда, не знаю, что. Охранять ощущение, что можно туда вернуться, наверное. ... Муж приезжал некоторое время, пока у него были возможности, визы. Сейчас ему визу не дают.» (Янина)

«Это твои опорные точки, в какой-то любой момент ты можешь к этому человеку обратиться. ... Здесь точек опоры меньше, ... каких-то нет. Никто тебе не заменит твоих друзей детства, друзей студенческих. ... Это твои внутренние опоры, которых мы здесь лишены». (Светлана)

«Больш за ўсе адчуваецца страта ў людзях, у асяроддзі.» (Даша)

Хотя миграция может ослаблять семейные связи, она также может создавать новые формы взаимодействий, солидарности

и поддержки (Haragus, Ducu Telegdi Csetri, Földes 2021). Это релевантно опыту белорусских женщин, эмигрировавших в Литву после 2020 г. Большинство участниц интервью говорят о выстраивании новых социальных взаимодействий в новой стране, улучшении отношений в семье после переезда, что свидетельствует о «возобновляемости» доступа к ресурсам социальной поддержки и социальных связей в эмиграции.

«Для меня было очень важно уехать в то место, где были свои люди. ... Качество общения улучшилось — ... мое сообщество уже активно покидало Беларусь. У меня здесь нет дефицита общения.» (Люба)
«Вся семья со мной, интересы семьи соблюдены, ничего не разрушилось внутри нашего мира. Может быть, поэтому нет таких сложностей [социальных].» (Алена)

Здоровье как психологическое и физическое состояние и возможность заботиться о себе влияет на самоощущение женщин в эмиграции и определяет возможности женщин-иммигранток адаптироваться к жизни в новой стране. Миграция сама по себе является социальной детерминантой здоровья, поскольку изменяет условия жизни, уровень стресса и физическое состояние, доступ к медицинской помощи и услугам.

«Здесь [со здоровьем] произошел сильный отскок в худшую сторону. Несмотря на то, что я переехала в 23 [года] — казалось бы, такой легкий возраст в плане здоровья. ... Эти первые два года [в эмиграции] были очень тяжелыми, я находилась в тяжелом депрессивном состоянии. И это дало основной «подкос» здоровью и в физическом, и в эмоциональном плане.» (Вика)

Одним из наиболее значимых аспектов депривации женщин-мигранток является ограниченный доступ к медицинским услугам, особенно в области сексуального и репродуктивного здоровья. Исследования показывают, что мигрантки реже пользуются специализированной медицинской помощью по сравнению с местным населением (WHO 2017). Это может привести к ухудшению здоровья как самих женщин, так и их детей, а также к усилению социальной изоляции и экономической нестабильности (Pérez-Sánchez et al. 2024). Ограничение доступа к медицинским услугам может быть связано с неопределенностью правового статуса, материальными ограничениями, отсутствием необходимой информации и понимания, как работают учреждения здравоохранения в новой стране.

В Литве возможности страховой (бесплатной для плательщиков социальных налогов) медицины, как правило, становятся доступными по статусу занятости (официальное трудоустройство, ведение бизнеса, самозанятость), который обеспечивает уплату социальных налогов. В других случаях эмигранты могут самостоятельно приобретать страховой полис, на основании которого получают медицинские услуги. Как показали интервью, на первых этапах адаптации потребности, связанные с сохранением здоровья, уходят на второй план из-за приоритетности других задач, которые стоят перед мигрантами в новой стране, неопределенности статуса легализации и занятости, ограниченности материальных ресурсов.

«Я предпочитала не делать «чекапы» здоровья, потому что у меня не было страховки долгое время. Я предпочитала лучше не знать, что со мной, чем лечиться. ... В Беларуси я могла позволить себе ходить к любому врачу, с любой болячкой, сдавать любые анализы. ... Это несколько не било по кошельку, как любой поход к доктору здесь.» (Вика)

В случаях, когда бесплатная страховая медицина не покрывает дополнительные медицинские услуги, перед женщинами-иммигрантками стоит вопрос приоритетности — стоимость платных медицинских услуг в Литве достаточно высока относительно доходов, которыми располагают женщины-иммигрантки.

«Бесплатно ждать очень долго: тебе иногда надо в моменте, ... и тогда либо ты должен идти в частную клинику и платить втридорога, вчетыредорога, ... либо ждать, что тебя, конечно, не радует.» (Светлана)

«Приходится иногда выбирать, что в своем здоровье чинить первым, ... что в данный конкретный момент тебе лечить.» (Инна)

В условиях эмиграции здоровье может стать еще и значимым экономическим ресурсом. В отсутствие устойчивых социальных связей и институциональной поддержки женщины-иммигрантки, столкнувшиеся с проблемами со здоровьем, оказываются в особенно уязвимой позиции. Для женщин, воспитывающих детей в эмиграции, здоровье становится важнейшим инструментом поддержания стабильности. Женщины вынуждены придерживаться функционального подхода к заботе о себе, поскольку их физическое и психоэмоциональное состояние напрямую влияет на благополучие детей. В таком контексте ухудшение здоровья

может означать утрату финансовой стабильности, ограничение профессиональной мобильности, невозможность осуществлять уход за другими членами семьи, усиление социальной изоляции, что критически важно для «выживания» в новых условиях.

«Чтобы обеспечить жизнь ребенка здесь, я должна работать; чтобы работать, я должна быть условно здоровым человеком и не «запускать» себя.» (Янина)

В эмиграции женщины часто сталкиваются с финансовыми ограничениями в результате изменения экономического статуса, занятости и образа жизни. Сам факт переезда в другую страну является финансовым стрессом и повышает риски экономической депривации в эмиграции.

«Сразу, когда мы переезжали, у нас не было никаких запасов, никаких «подушек». Мы приехали и приехали, все, что было, отдали на жилье, а дальше мы все, что зарабатывали, то и тратили. ... Был первый год такой сложный, потому что сразу все эти изменения глобальные, которые случились, их надо было разгрести.» (Анна)
«У мяне была абмежаваная колькасць грошаў на руках, і гэта турбавала значна. Мне падабаецца разуменне таго, што ў мяне есць нейкі запас, гэта такая мая фінансавая падушка бяспекі, і яна была разлічана на некаторы час. (Даша)

Наличие первоначальных финансовых ресурсов, таких как личные сбережения, семейные накопления или доходы партнеров, может снижать риски финансовой уязвимости, но не решает проблему финансовой устойчивости в долгосрочной перспективе.

«Те сбережения, которые у нас были, они давали стабильное состояние — все эти сбережения ушли на переезд.» (Люба)

Женщины, переезд которых был связан с релокацией компаний, где они работают, менее уязвимы к финансовым рискам благодаря непрерывности дохода от занятости. Однако различия в системах налогообложения, а также изменения в структуре расходов негативно влияют на материальное положение женщин с высоким уровнем дохода.

«У нас нет индексации зарплаты в связи с релокацией, потому что это был выбор человека. ... В целом доход упал, потому что в Беларуси налоги меньше, плюс у меня там своя квартира, мне не

нужно было за жилье платить. Здесь, к сожалению, доход очень сильно упал.» (Ирина)

Для женщин-иммигранток, не имеющих стабильной занятости, вопросы финансовой устойчивости становятся особенно острыми, поскольку отсутствие регулярного дохода ограничивает возможности адаптации и повышает риск социальной и экономической депривации.

«Несколько месяцев — нерегулярные поступления [денег]. Тоже такая проблема. ... Я не могу на это влиять.» (Алла)

Финансовая уязвимость может стать вызовом даже для женщин, которые в Беларуси были финансово независимы и не сталкивались с материальными ограничениями. Потеря источников дохода (работы, бизнеса, доступа к банковским счетам), нестабильная занятость или невозможность быстро найти работу в эмиграции существенно влияют на финансовое положение женщин-иммигранток.

«Сложно было перестроиться на ситуацию, когда мое материальное положение зависит от других людей. В Беларуси у меня как-то так получалось, что всю жизнь я чувствовала себя материально независимой. ... Я привыкла полностью сама отвечать за свои финансы, распоряжаться своими финансами. ... Когда я приехала сюда, такой ситуации не было. ... На самом деле, [когда] я уехала, у меня было 500 евро и моя последняя зарплата на карточке.» (Анжелика)

Различия в стоимости жизни между родной и принимающей страной оказывают значительное влияние на финансовую устойчивость женщин-иммигранток. В процессе адаптации они сталкиваются с необходимостью корректировать свои потребительские привычки, поскольку базовые расходы, такие как аренда жилья, питание, транспорт и медицинские услуги, могут существенно возрасти.

«Стоимость жизни в Минске и стоимость в Вильнюсе — это абсолютно разные вещи, вообще разные. И тут еще растут цены. Но в целом это как будто бы разные деньги: чтобы жить хорошо, ну, или просто нормально, нужно гораздо больше денег.» (Алла)

«Есть тревога. ... С одной стороны, жизнь здесь стала дороже, тебе много приходится оплачивать вещей, включая жилье, которое

у тебя в Беларуси было, а теперь ты вдруг «с нуля». ... С другой стороны, эта ситуация с финансированием [проектов], все будет только ухудшаться. Есть тревога, что завтра надо будет как-то кормить себя и ребенка.» (Янина)

Несмотря на важность доступа к финансовым ресурсам для всех участниц исследования, их ограниченность редко воспринимается как критический фактор, поскольку женщины-иммигрантки демонстрируют высокую степень адаптивности, используя различные стратегии повышения экономической устойчивости и преодоления трудностей. Например, изменение потребительских привычек становится одним из первых шагов в процессе адаптации. Женщины пересматривают свои расходы, выделяя приоритетные и второстепенные траты, оптимизируют бюджет и ищут более доступные варианты удовлетворения базовых потребностей, таких как жилье, питание и медицинские услуги.

«Первый год жизнь была по принципу «тратить только на то, что критически необходимо»: еда, квартира, аренда, вещи какие-то, которых не хватает, ничего не покупать в дом, в съемные квартиры не покупать дополнительную технику, вещи или что-то бытовое.» (Вика)

«Приходится экономить на одежде, на технике, меньше ходить на культурные мероприятия, в кафе.» (Светлана)

«Я экономлю на поездках и отпуске. Последний раз в отпуске я была перед войной. С тех пор поездки у меня были только на мероприятия. Я даже не езжу по Литве почти.» (Алла)

Работа и доходы от занятости — основной инструмент преодоления финансовых уязвимостей и рисков экономической депривации. Ограничения в финансовых ресурсах в эмиграции могут компенсироваться за счет более активного поведения в сфере занятости, чем это было в родной стране, например, за счет увеличения рабочей нагрузки или дополнительной занятости.

«Финансовой подушки в эмиграции не было, можно рассчитывать только на то, что у тебя в кошельке. Из-за этого был страх потери работы, страх неопределенности... Первое время я работала на нескольких проектах, чтобы хоть немного обеспечить себе какую-то «подушку», потому что надо платить за квартиру, коммуналку.» (Вика)

«Трэба было хутчэй працаўладкавацца афіцыйна, как атрымаць Blue Card, каб мець магчымасць атрымоўваць грошы. ... Я думаю,

што галоўнае было пытанне бяспекі фінансавай. Я сама сябе за-
бяспечваю, таму гэта было важна.» (Даша)

Решение сменить карьеру в эмиграции является важной частью как адаптации к новым социальным и экономическим условиям, так и ответом на существующие или потенциальные риски экономической депривации. Во-первых, эмиграция часто открывает доступ к новым сферам деятельности, которые могут быть более востребованными или перспективными, чем в родной стране. Во-вторых, барьеры, связанные с легализацией, подтверждением квалификации, знанием языка могут препятствовать продолжению карьеры в прежней сфере. В таких случаях смена профессии становится вынужденной мерой, позволяющей женщинам-иммигранткам сохранить финансовую устойчивость или легальный статус пребывания в принимающей стране. Кроме того, смена карьеры женщинами в эмиграции часто может быть поиском баланса между потребностями семьи (в случае семейной миграции), финансовыми и профессиональными приоритетами.

В историях участниц исследования причины смены профессионального пути варьировались: для одних это было связано с открытием новых возможностей на рынке труда Литвы, для других — с переоценкой своих потребностей в профессиональной самореализации либо с поиском новых возможностей для улучшения своего финансового положения.

«Я работала, продолжала работу в компании [в которой работала до переезда], но, к сожалению, в компании начались не самые лучшие финансовые времена. И компания не стала удерживать сотрудника, в лице меня, и я начала искать работу, потому что уже не соответствовала моя стоимость как специалиста на рынке.» (Елена)

«Появился новый интерес [профессиональный], и это предполагает, что мне нужны новые навыки, способности.» (Алена)

«Я вижу больше возможностей [в Литве], потому что ... открытая граница во всех смыслах. Есть ощущение, что тебе открыт весь мир. В Беларуси было ощущение, что я все время упиралась куда-то.» (Анна)

«Я только сейчас начинаю «оттаивать», приходит как-то в себя... Больше двух лет прошло. Понимание, что я хочу вообще делать здесь, только сейчас пришло. ... Два года ушло, чтобы просто выжить...» (Алла)

«Я поменяла здесь полностью свою сферу деятельности. Мы здесь второй год, в первый год я нигде не работала, второй год я смогла устроиться в совсем другую сферу. Работаю в ИТ.» (Люба)

Женщины, которые возобновили (или не прерывали) свою карьеру в эмиграции, говорят об изменении профессиональной среды, языковом барьере, который мешает интеграции в профессиональное сообщество Литвы.

«Пока у меня есть работа, есть проекты, в которых я работаю. Эта часть как будто бы есть, хотя она очень сильно изменилась. ... Ты понимаешь, что ты находишься в другой языковой среде. И даже если бы ты хотела заниматься ... «на полуую катушку» и влиться в то сообщество, которое есть здесь, то ты не можешь этого сделать, потому что у тебя есть языковой барьер.» (Янина)

«Такое ощущение, что есть больше возможностей для самореализации, но нет профессионального сообщества, с которыми можно было бы реализовать идеи, нет интеграции в профессиональное сообщество здесь.» (Светлана)

Работа играет ключевую роль в адаптации в новой стране, поскольку позволяет структурировать повседневные практики и включить занятость в «новую рутину» жизни в эмиграции. Работа также служит инструментом снижения финансовых рисков: возможность самостоятельно обеспечивать себя и своих детей позволяет минимизировать зависимость от внешних источников поддержки и снизить уровень экономической депривации. Большинство участниц исследования говорят о работе как о важном ресурсе, который дает ощущение стабильности в эмиграции и позволяет справляться с трудностями.

«Праца дае адчуванне стабільнасці.» (Даша)

Заключение

Депривации, с которыми сталкиваются женщины-иммигрантки, обусловлены как самим фактом эмиграции и сложностями в адаптации к жизни в новых условиях, так и ограничениями в доступе к социальным и экономическим ресурсам. С самых первых дней жизни в новой стране происходит адаптация и выстраивание повседневных практик, на уровне которых ограничения испытывают многие женщины-иммигрантки. Беларусские иммигрантки в Литве среди таких ограничений упоминают «обнуление» опыта либо его нерелевантность условиям жизни в новой стране, проблемы в налаживании быта и выстраивании взаимодействия с различными структурами (сервисные службы, государственные

учреждения и т. д.). Многие рутины, которые «автоматически» воспроизводились в Беларуси, потребовали дополнительных усилий, траты времени на поиск нужной информации, в некоторых случаях — траты денег на оплату консультаций специалистов в различных сферах.

Ограниченный доступ женщин-иммигранток к социальным (информационная и эмоциональная поддержка, система социальных связей и взаимодействий, здоровье, социальные услуги и система соцзащиты и др.) и экономическим (работа, особенно по специальности, материальная поддержка, финансовые услуги, ранее сделанные накопления и т.п.) ресурсам увеличивает риски деприваций. Как показало исследование, индивидуальные стратегии адаптации к жизни в новой стране позволяют женщинам восстановить (полностью или частично) доступ к социальным и экономическим ресурсам и снизить риски деприваций.

Несмотря на то, что исследование фокусировалась на опыте женщин-иммигранток, связанном с проявлениями социальных и экономических деприваций, ограничения, лишения или потери, проговоренные в историях участниц, не выступали в качестве центральной или ключевой характеристики мигрантского опыта. Напротив, участницы исследования чаще говорили о приобретениях и позитивных изменениях, которые произошли в их жизни благодаря эмиграции.

Одним из общих и наиболее важных приобретений для женщин-иммигранток из Беларуси стало чувство безопасности, которое они обрели в Литве. Для многих миграция стала возможностью избежать политического преследования в Беларуси, выразить несогласие с политикой властей, в том числе с поддержкой ими российской военной агрессии против Украины, найти в другой среде среду, соответствующую своим ценностям и видению будущего для себя и своих детей. Для некоторых участниц исследования эмиграция открыла новые возможности для профессионального и личностного роста через расширение карьерных возможностей и перспектив для самореализации. Эмиграция также способствовала переосмыслению личного опыта. Взаимодействие с новым культурным контекстом, получение опыта адаптации в чужой стране и интеграции в принимающее общество позволили некоторым женщинам взглянуть на себя и свои возможности по-новому.

Исследование показало, что анализ женского опыта эмиграций через призму деприваций и приобретений позволяет выявить сложные механизмы адаптации и интеграции, а также очертить направления институциональной поддержки, способствующие

снижению уязвимости и рисков социальных и экономических деприваций. Исходя из полученных данных, представляется целесообразным формулировать рекомендации не как набор инструментальных решений, а как направления трансформации миграционной политики и практик гражданского участия, ориентированных на признание и адвокатирование женщин-иммигранток. В частности, следует:

1. **Переосмыслить концепт интеграции** мигрантов как процесс взаимной адаптации, в котором принимающее общество несёт ответственность за создание условий, способствующих включению женщин-мигранток в социальные и экономические структуры.
2. **Устранить институциональные барьеры**, препятствующие признанию и использованию профессионального, образовательного и социального капитала женщин-иммигранток, включая механизмы признания квалификаций, доступ к трудовому рынку и финансовым услугам.
3. **Развивать инфраструктуру поддержки**, обеспечивающую доступ к информации, правовой защите, медицинским и социальным услугам, с учётом специфики женского миграционного опыта.
4. **Поддерживать политическое и общественное участие** женщин-иммигранток, признавая их право на голос, представительство и участие в формировании повестки, затрагивающей их интересы.

Интеграция этих направлений в миграционную политику и деятельность организаций гражданского общества позволит не только снизить уровень социально-экономической депривации, но и укрепить позиции женщин-иммигранток как полноправных субъектов в принимающем обществе.

References

- Ahmed, S. (1999). Home and away: Narratives of migration and estrangement. *International Journal of Cultural Studies* 2(3): 329-347. <https://doi.org/10.1177/136787799900200303>.
- Alampiyev, O. & Bikanau, P. (2022). Belarusians in Poland, Lithuania, Georgia: attitude to the war, help to Ukraine, discrimination, Friedrich Ebert Stiftung.
- Amelina, A., and Lutz, H. (2019). *Gender and Migration: Transnational and Intersectional Prospects*. Routledge.

- Benhabib, S. & Resnik J. (eds.) (2009). *Gender as a Category in Transnational Legal Regimes*.
- Benhabib, S., & Resnik, J. (eds.), (2009) *Migrations and Mobilities: Citizenship, Borders, and Gender*. New York: New York University Press.
- Carlson, S., & Schneickert, C. (2021). Habitus in the context of transnationalization: From 'transnational habitus' to a configuration of dispositions and fields. *The Sociological Review* 69(5), 1124-1140. <https://doi.org/10.1177/00380261211021778>.
- Christou, A. & Kofman, E. (2022). Gender and Migration: An Introduction. In *Gender and Migration*. Edited by A. Christou and E. Kofman, 1-12.
- Chulitskaya, T., Homel, K., Jaroszewicz, M., Lesińska, M. (2022). *Belarusian migrants in Poland and Lithuania: general trends and comparative analysis 2022*. Eastern Europe Studies Centre, Vilnius.
- Dambrauskaitė, Ž. (2022). Migration from Belarus and economic, social and political integration of immigrants in Lithuania. Eastern Europe Studies Centre, Vilnius.
- Giudici, F. (2022). Bourdieu's Theory and Intersectionality: A New Conceptual Framework to Interpret Transition as Social Change of Youth Mobility. The Case of Young Italians. *Italian Journal of Sociology of Education* 13(2): 39-64.
- Fathi, M. & Ni Laoire, C. (2024). Gender and Home in Migration. In: *Migration and Home*. IMISCOE Research Series. New York: Springer, 21-40.
- Forti, M. (2023). Belarus-sponsored Migration Movements and the Response by Lithuania, Latvia, and Poland: A Critical Appraisal. *European Papers* 8(1): 227-238.
- Heidinger, E. (2024). Bridging distance: Transnational and local family ties in refugees' social support networks. *Journal of Refugee Studies* 37(3): 645-666. <https://doi.org/10.1093/jrs/feae043>.
- Homel, K., Jaroszewicz, & M. Lesinska, M. (2023). New permanent residents? Belarusians in Poland after 2020. *Centre Migration Research Newsletter*. <https://www.migracje.uw.edu.pl/wp-content/uploads/2023/05/Spotlight-MAJ-2023.pdf>.
- Hondagneu-Sotelo, Pierrette (2000). Feminism and Migration. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 571: 107-20.
- Kazakevich, A. (2023). Migration from Belarus to Estonia, Germany, Latvia, Lithuania, Poland: Before and after 2020, European Network for Belarus. <https://drive.google.com/file/d/1ZhRbMmsjYZLnIfxy580VwisC-kQeN-Mc7/view>.
- Kazakou, A. (2024). The Mental Health and Wellbeing of Belarusians in Exile in Lithuania, Poland and Georgia. <https://ssrn.com/abstract=5029686>.
- Kofman, E. (2013). Gendered Labour Migrations in Europe and Emblematic Migratory Figures. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 39(4): 579-600. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2013.745234>.
- Kofman, E., Raghuram, P. (2006). Gender and Global Labor Migrations: Incorporating Skilled Workers. *Antipode* 38(2): 282-303. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8330.2006.00580.x>.
- Migrations and Mobilities: Citizenship, Borders, and Gender* (2009) ed. by Seyla Benhabib, Judith Resnik
- Morokvasic, M. (2015). Gendering Migration. *Migration and Ethnic Themes* 30(3): 355-378.
- Navumau, V., et al. (2023). Belarusian Activists Abroad: Overcoming Integration

- Challenges in Exile. Institut für Europäische Politik. https://iep-berlin.de/site/assets/files/3781/iep_visibility_publication_en_final.pdf.
- Nowicka, M. (2015). Bourdieu's theory of practice in the study of cultural encounters and transnational transfers in migration. *MMG Working Paper 15-01*. <https://www.mmg.mpg.de/61298/wp-15-01>.
- Pérez-Sánchez, M., et al. (2024). Access of migrant women to sexual and reproductive health services: A systematic review. <https://www.mmg.mpg.de/61298/wp-15-01>.
- Radogna, R-M. (2022). The concept of habitus in migration studies. A systematic literature review. *Sociologie Romaneasca* 20(1): 108-125. 10.33788//sr.20.1.5.
- Skučienė, D., Poškus, Ž., & Kazakevičiūtė, B. (2023). Social integration of migrants from Ukraine and Belarus in Lithuania. *Socialinė teorija, empirija, politika ir praktika*, 25, 37-49.
- Коршунов, Г. (2024). Особенности «старой» и «новой» белорусских диаспор. *Beleconomy*. https://beleconomy.org/publications/working_papers/osobennosti-staroy-i-novoy-belarusskikh-diaspor-/.
- Лузгина, А., Корейво, В. (2023). Анализ потока мигрантов из Беларуси в страны ЕС в 2021-2022 годах. ВЕРОС.
- Львовский, Л., Морозов, Р. (2024). Адаптационные стратегии мигрантов из Беларуси и Украины на рынке труда Европейского союза. Friedrich Ebert Stiftung. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/belarus/21662-20241204.pdf>.